

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП РАВЕНСТВА КАК ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ

© 2013 г. Наталья Юрьевна Турищева¹

Краткая аннотация: статья посвящена анализу нормативного влияния Конституции России на уголовный закон, на формулирование и толкование уголовно-правовых запретов в сфере выборов и референдумов.

Подчеркивается значимость роли правоприменителя в процессе оценки степени общественной опасности преступлений против избирательных прав.

Annotation: this article is devoted to analysis of Russian Constitution's normative influence on criminal law, on formulation and interpretation criminal law's prohibitions in sphere of elections and referendum.

In this article on emphasizes importance of the role legal applicator's in process of appraisal of the extent of public danger of offences against electoral rights.

Ключевые слова: конституция, выборы, референдум, равенство, уголовный закон, толкование закона, охрана избирательных прав.

Key words: Constitution, elections, referendum, equality, criminal law, interpretation the law, protection of electoral rights.

Институт выборов и референдумов имеет многоаспектный характер и отражается в нормах Конституции РФ в качестве различных политико-правовых явлений: как способ выражения власти народом, включающий формы высшего непосредственного волеизъявления; как составная часть основ конституционного строя России – народовластия, демократического, правового государства; как процесс легитимации власти и принятия решений путем голосования². Основополагающее начало реализации всех указанных явлений есть субъективное право граждан – право на участие в выборах и референдуме.

Кроме названных институциональных характеристик выборы и референдум отличаются тем, что представляют собой “арену борьбы частных индивидуальных интересов, войны всех против всех”³ и поэтому нуждаются в особой защите государства.

Указанными обстоятельствами в совокупности обусловлена не только значимость, но и неизбежность установления в отечественном уголовном законодательстве института уголовно-правовой охраны избирательных прав и права на участие в референдуме. Именно в этом и проявляется роль государства в процессе создания и развития институтов гражданского общества. Как отмечают Л.Ю. Грудцына и С.М. Петров, “если не будет силы и государственной воли (принуждения) в определенных вопросах общественной жизни, все скатится к беспорядкам и хаосу”⁴.

Установив уголовную ответственность за преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме, законодатель не только продемонстрировал намерения государства, но и закрепил принятие государством обязательств обеспечить средствами уголовного закона охрану указанных прав как наиболее значимых в системе политических прав граждан.

По мнению Б.С. Эбзеева, “из закона, установленного государством и ограничивающего права общества, а также закрепляющего формы государственного контроля над проявлениями социальной и индивидуальной активности людей и их ассоциаций, Конституция постепенно и с немалыми издержками становится законом, предусматривающим обязательства государства перед своими сочленами, различными объединениями граждан и обществом в целом”⁵. Обращая внимание на существование феномена конституционных обязанностей государства, Б.С. Эбзеев подчеркивает, что в основе отношений государства, народа и индивида лежит социальная солидарность как выражение взаимной ответственности государства и личности, которая “материализуется” в том числе во взаимных правах и обязанностях⁶.

Как представляется, предусмотренные Конституцией РФ социальная солидарность и ответственность государства и есть та правовая основа, которая позволяет формулировать конкретные уголовно-правовые запреты в сфере организации и проведения выборов и референдумов. Под охрану уголовного закона законодателем поставлены воспрепятствование свободному осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного

¹ Член избирательной комиссии Краснодарского края, доцент кафедры конституционного и муниципального права Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук.

² См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” (Постатейный) / Под ред. В.В. Комаровой. М., 2009.

³ Гегель Г.В. Философия права. М., 1990. С. 330.

⁴ Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Гос. и право. 2012. № 6. С. 6.

⁵ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. С. 105, 106.

⁶ См.: там же. С. 93, 94.

объединения, инициативной группы по проведению референдума, фальсификация избирательных документов и документов референдума, фальсификация итогов голосования.

Конституционное соответствие уголовного закона в первую очередь базируется на необходимости соблюдения конституционного принципа равенства, распространяющегося на все права и свободы, провозглашенные Конституцией РФ, и являющегося гарантией защиты от всех форм дискриминации при осуществлении указанных прав и свобод. Соблюдение конституционного принципа равенства в процессе применения уголовного закона и толкования содержания уголовно-правовых запретов определяет эффективность соответствующих норм УК РФ.

Избирательные права – комплекс правомочий, реализуемых участниками избирательного процесса на протяжении всей избирательной кампании. В подавляющем большинстве исследований, посвященных анализу преступлений против избирательных прав, обращается внимание на их высокую латентность⁷. В то же время по итогам единых дней голосования в средствах массовой информации приводятся многочисленные примеры нарушений, связанных с организацией голосования и подсчетом голосов избирателей. Таким образом, возникает огромный разрыв между провозглашенными государством обязательствами по охране избирательных прав и реальной практикой оценки общественной опасности посягательств на права участников избирательного процесса. Что же является причиной незначительного применения на практике норм УК РФ о преступлениях данного вида?

Учитывая прозрачность всех стадий избирательного процесса, коллегиальный состав и публичный характер деятельности органов, принимающих большинство юридически значимых в ходе избирательной кампании решений, вдумчивый исследователь придет к безусловному выводу о значимости проблемы толкования уголовно-правовых запретов в сфере избирательных правоотношений. Невозможно переоценить уголовно-политическое значение правоприменительной практики в процессе оценки степени общественной опасности деяний против избирательных прав. Значение правоприменительной практики возрастает в несколько раз в связи с бланкетностью ряда норм УК РФ, устанавливающих ответственность за указанные преступления, а отсутствие конкретных признаков составов преступлений усиливает значимость роли правоприменителя в процессе оценки степени общественной опасности деяний в сфере избирательных правоотношений.

Как подчеркивается в ряде исследований, особенностью современного российского уголовного права является его политизация. По мнению Т.В. Кленовой, «политика государства проявляется все более не только при подготовке и принятии уголовного закона, но и в правоприменительном процессе. Правоприменение наряду с правотворчеством составляет отдельное самостоятельное направление уголовной политики»⁸. И если политизация уголовного закона признается общей тенденцией его применения, то в еще большей степени она характерна для сферы нарушения избирательных прав.

По данным различных авторов, возрастает число официально не выявленных и скрытых от регистрации пре-

ступлений против конституционных, в том числе против избирательных прав⁹, что позволяет к определяющим характеристикам данного вида преступлений отнести их искусственную латентность. Как отмечает О.Н. Ведерникова, «нежелание “портить” статистику порождает проблему искусственно-латентной преступности, с которой сталкиваются криминологи многих стран мира, в том числе и в России»¹⁰. Оценивая реальное состояние преступности, В.В. Лунеев подчеркивает, что «отдельные группы и виды преступлений... учитываются в десятых и даже сотых долях от фактических криминальных реалий. Это приводит к серьезным структурным перекосам учтенной преступности»¹¹.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции РФ, в том числе вытекающих из принципа равенства (ч. 1 и 2 ст. 19), в силу которых различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им¹².

Указанный тезис находит развитие в научных публикациях. В частности, отмечается, что основополагающий принцип осуществления избирательных прав – принцип равного избирательного права, закрепляющий равные правовые условия участия граждан во всем избирательном процессе (т.е. в выборах в широком значении этого слова) – выражается не только в установлении равенства субъективных избирательных прав, но также равного порядка их реализации на каждой стадии избирательного процесса¹³.

Таким образом, в соответствии с принципом равного избирательного права все участники избирательного процесса участвуют в выборах на равных основаниях и не имеют никаких преимуществ друг перед другом; законодательно предусмотренные возможности осуществления ими избирательного права равны¹⁴.

В свою очередь, в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г.¹⁵ указывается, что принцип равного избирательного права (равенства избирательных прав гражд-

⁹ См.: *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 58–61; *Криминология*. Учеб. для вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 134–141.

¹⁰ *Ведерникова О.Н.* Британский опыт изучения латентной преступности // *Росс. криминологический взгляд*. 2009. № 1. С. 333.

¹¹ *Лунеев В.В.* Юридическая статистика. М., 2010. С. 378.

¹² См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области» от 16 июня 2006 г. // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 27. Ст. 2970.

¹³ См.: *Худолей Д.М.* О принципе равного избирательного права // *Конституционное и муниципальное право*. 2007. № 12.

¹⁴ См.: *Юдина А.Б.* Комментарий к Федеральному закону от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” / Под ред. Н.И. Воробьева // Система “Гарант”. 2011.

¹⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» от 17 ноября 1998 г. // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 48. Ст. 5969.

⁷ См., например: *Кабанов П.А., Свигузова А.П.* Электоральная преступность как политико-криминологическая категория // *Следователь*. 2008. № 9. С. 51.

⁸ *Кленова Т.В.* Квалификация преступлений и уголовная политика // *Гос. и право*. 2012. № 4. С. 55.

дан) устанавливает равные права на эффективную судебную защиту, защиту законом избирательных прав без всякой дискриминации по какому бы то ни было обстоятельству. В первую очередь это означает установление равных процедур реализации, а также защиты избирательных прав¹⁶. Нарушение равенства прав участников избирательного процесса влечет применение мер юридической ответственности.

Определяя правовой механизм реализации конституционно закрепленных прав по участию в выборах и референдуме, общий обязательный порядок организации и проведения выборов и референдумов, федеральный законодатель обладает широкой свободой усмотрения в установлении – в рамках, определенных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, – как форм контроля за порядком осуществления избирательных прав, так и конкретных составов правонарушений и преступлений, посягающих на избирательные права, их видов и ответственности за их совершение, включая основания и условия привлечения к ответственности.

В указанный механизм включены прежде всего предусмотренные Федеральным законом “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме” средства конституционно-правового характера: отказ в регистрации кандидата (списка кандидатов), отмена регистрации кандидата (списка кандидатов), отмена итогов голосования и результатов выборов, роспуск избирательной комиссии.

Кроме этого законодатель предусматривает меры административной и уголовной ответственности за нарушения избирательных прав. При этом охране подлежат субъективные избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации, предусмотренные ст. 32 Конституции РФ и закрепляемые в конкретных формах осуществления гражданами принадлежащих им прав.

В силу бланкетности ряда норм УК РФ, посвященных преступлениям против избирательных прав, составной частью предусмотренного в них уголовно-правового запрета являются нормы законодательства о выборах, положения которых входят в основания уголовной ответственности за совершение указанных преступлений посягающих на избирательные права.

Особая роль в оценке конституционности норм избирательного законодательства, а следовательно, и возможности применения их на практике как оснований уголовной ответственности принадлежит решениям Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 15 января 2002 г.¹⁷ Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 3 (ч. 1, 2 и 3), 32 (ч. 1 и 2) и 46 (ч. 1 и 2), содержащееся в п. 3 ст. 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” от 19 сентября 1997 г. положение, которое при незаконном отказе в регистрации кандидата ограничивает полномочия суда по отмене итогов

голосования, результатов выборов и выявлению адекватности отражения в них реальной воли избирателей, подменяя такое выявление формальным “определением достоверности результатов волеизъявления избирателей”, принявших участие в голосовании, чем умаляются и ограничиваются избирательные права и право граждан на судебную защиту.

Суд указал, что обеспечение своевременного (до проведения голосования) восстановления нарушенных избирательных прав требует дополнительных законодательных мер, которые препятствовали бы необоснованному отказу в регистрации кандидата в депутаты либо аннулированию уже осуществленной регистрации. Такие меры могут состоять в уточнении оснований для отказа в регистрации, соответствующих полномочий избирательных комиссий и их ответственности, в совершенствовании судебных процедур, служащих своевременному (до проведения выборов) восстановлению пассивного избирательного права, а также в разработке адекватных компенсаторных механизмов восстановления прав, нарушенных вследствие незаконного отказа в регистрации¹⁸.

В этой связи особую актуальность приобретает установление мер ответственности избирательных комиссий, в том числе и уголовно-правовой, за незаконный отказ в регистрации.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, определяя способы и формы судебной защиты нарушенного права, закон должен гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избирательных комиссий за неправомерные действия, препятствующие надлежащему осуществлению названных прав. Суд подчеркнул, что, исходя из принципа соразмерности, суды должны находить адекватные формы и способы защиты пассивного и активного избирательного права, не могут ограничиваться одной только констатацией нарушения избирательных прав, и это не должно исключать ответственности допустивших нарушения субъектов избирательного процесса, включая избирательные комиссии¹⁹.

Таким образом, Конституционный Суд РФ дал однозначную оценку действию, состоящего в незаконном отказе в регистрации кандидату, как основания для наступления ответственности допустивших эти нарушения избирательных комиссий.

Означает ли все изложенное, что совершение деяний, связанных с незаконным отказом в регистрации кандидатов, списков кандидатов, одновременно является основанием не только конституционной, но и уголовно-правовой ответственности? Полагаем, что при установлении вины членов избирательной комиссии с правом решающего голоса, принявших незаконное решение об отказе в регистрации, – безусловно.

Закрепление избирательных прав и права на участие в референдуме в качестве высших форм непосредственного

¹⁶ См.: Зюзин С.Ю., Юдина А.Б., Карташова Ю.А., Подсумкова А.А. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” / Под ред. Н.И. Воробьева // Система “ГАРАНТ”. 2011.

¹⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» от 15 января 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 626.

¹⁸ См.: там же.

¹⁹ См., например: определение Конституционного Суда РФ «По жалобе гражданина Костюченко Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 статьи 64 Федерального закона от 19 сентября 1997 года “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и пункта 3 статьи 59 Закона города Москвы от 7 июля 1999 года “О выборах депутатов Московской городской Думы, мэра и вице-мэра Москвы и советников районного Собрания в городе Москве”» от 5 июня 2003 г. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

волеизъявления народа Российской Федерации; императивность решений, принимаемых на выборах и референдумах; а также принятие таких решений исключительно по важнейшим вопросам государственного и муниципального уровня, являются основанием для установления мер уголовной ответственности за наиболее опасные посягательства на указанные права.

Наиболее распространенные нарушения избирательных прав – фальсификация избирательных документов и итогов голосования. Однако следует подчеркнуть существующую дифференциацию видов преступных посягательств на избирательные права в зависимости от уровня проводимых выборов и референдумов.

Если на федеральном уровне в структуре преступлений против избирательных прав преобладают фальсификация подписных листов, итогов голосования, т.е. деяния, связанные с этапом представления кандидатами и избирательными объединениями документов для регистрации и этапом подведения итогов голосования, то на региональном и муниципальном уровнях преступные посягательства связаны с более широким спектром стадий избирательного процесса и выражаются не в назначении выборов в установленные законом сроки, фальсификации избирательных документов, незаконном отказе в регистрации кандидатов, списков кандидатов, а также в нарушениях, допускаемых в процессе голосования и при подсчете голосов избирателей.

Все вышесказанное справедливо и для соответствующих стадий процесса референдума с оговоркой: на федеральном уровне в течение последнего десятилетия отсутствует практика проведения референдума, однако есть достаточно широкая практика отказа в регистрации инициативных групп по проведению последнего.

В структуре регистрируемых преступлений против избирательных прав значительное место занимает фальсификация подписных листов. Резкое – более чем в 25 раз по сравнению с предыдущим годом – увеличение количества преступлений, совершенных в связи с фальсификацией подписных листов, отмеченное в 2008 г.²⁰, было обусловлено проведением второго в Российской Федерации цикла муниципальных выборов поселенческого уровня²¹. Кроме этого, исключение избирательного залога из числа альтернативных оснований для регистрации кандидатов²² также способствовало увеличению преступлений данного вида. Указанное изменение требований федерального избирательного законодательства привело к тому, что кандидаты, выдвинутые непарламентскими политическими партиями, а также кандидаты, выдвинувшиеся в порядке самовыдвижения, могли быть зарегистрированы исключительно на основании подписей избирателей, представленных в поддержку своего выдвижения. Очевидно, что значительное число кандидатов оказалось не готово к участию в выборах с соблюдением обновленных требований избирательного законодательства, что привело к увеличению числа зарегистрированных преступлений данного вида. Последние изменения изби-

рательного законодательства, связанные с освобождением всех – а не только парламентских – политических партий от сбора подписей в поддержку выдвигаемых ими кандидатов и списков, а также четырехкратное уменьшение количества подписей, необходимых для регистрации кандидатов-самовыдвиженцев²³, приведут к снижению числа преступлений, связанных с фальсификацией подписных листов. Полагаем, что дальнейшее развитие отечественного законодательства по расширению правовых основ участия политических партий в выборах и приданию им статуса основного участника избирательного процесса на выборах всех уровней может стать в перспективе основой декриминализации состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 142 УК РФ²⁴.

Необходимо также особо дать оценку фальсификации избирательных бюллетеней. Установленные Федеральным законом “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” различные требования к обязательным степеням защиты избирательных бюллетеней, более жесткие на федеральном и региональном уровнях, с понижением таких требований на муниципальном уровне и фактическим отсутствием каких-либо требований по степеням защиты бюллетеня на выборах депутатов представительных органов, проводимых по округам, где число избирателей не превышает 5 тыс. человек, являются тем фактором, который облегчает совершение преступлений, связанных с незаконным изготовлением дополнительных тиражей избирательных бюллетеней на муниципальных выборах.

Что же касается фальсификации итогов голосования и результатов выборов, причиной совершения данных преступлений в основном являются ложно понятые интересы службы. Эффект, достигаемый в результате совершения фальсификаций, различен на выборах разного уровня, что связано с различным числом избирателей, принимающих участие в голосовании на федеральных, региональных и муниципальных выборах. В ходе федеральных избирательных кампаний фальсификации не влияют на сами результаты выборов, добавляя отдельные проценты или даже доли процентов голосов избирателей тому кандидату или той политической партии, которые и без такой фальсификации одерживают победу. На региональном же и на муниципальном уровнях, проводимых по небольшим избирательным округам, преступные посягательства, связанные с фальсификацией итогов голосования, зачастую сопряжены с кардинальной сменой побеждающего претендента на выборную должность. Однако данное обстоятельство не всегда получает должную оценку следственных и судебных органов.

Для демократически развитой Франции победа оппозиционного кандидата на президентских выборах 2012 г. с перевесом в 3% голосов избирателей явилась не только допустимой, но и совершенно убедительной. Менталитет же российских организаторов выборов подталкивает их к

²⁰ См.: Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / Под ред. А.И. Долговой. М., 2009. С. 336.

²¹ Согласно данным ЦИК России, по состоянию на 1 марта 2009 г. в Российской Федерации насчитывалось 24 067 муниципальных образований, в том числе 19 770 сельских и 1743 городских поселений // <http://zoom.cikrf.ru>

²² См.: Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов” от 9 февраля 2009 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 7. Ст. 771.

²³ См.: Федеральный закон “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления” от 10 июля 2012 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2275.

²⁴ См.: Турищева Н.Ю. Международные избирательные стандарты и система преступлений против избирательных прав: взаимосвязь и взаимообусловленность // Научные основы уголовного права и процессы глобализации. Материалы Российского конгресса уголовного права (27 – 28 мая 2010 года). М., 2010. С. 216.

достижению более “убедительного” результата, пусть даже путем пресловутых “вбросов” и фальсификации протоколов об итогах голосования.

Так, прокуратурой Республики Адыгея 11 июня 2004 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 142.1 УК РФ, по фактам фальсификации итогов голосования в ходе выборов депутатов Государственной Думы пятого созыва на 20 избирательных участках Тахтамукайского района Республики Адыгея. В ходе предварительного следствия был подтвержден факт увеличения числа голосов, полученных политической партией “Единая Россия” на территории Тахтамукайского района, на 2985 голосов за счет уменьшения количества голосов, отданных избирателями другим партиям и блокам²⁵.

Следствием было установлено, что незаконное увеличение количества голосов в пользу “Единой России” в целом не повлияло на итоги голосования по Тахтамукайскому району. Действия членов участковых избирательных комиссий в силу малозначительности содеянного были оценены как не представляющие общественной опасности, уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

В 2009 г. лидер политической партии “Яблоко” С. Митрохин добился пересчета голосов на избирательном участке № 192 района “Хамовники”, где в ходе выборов в Мосгордуму он проголосовал за свою партию, однако в протоколе об итогах голосования не оказалось ни одного голоса, поданного за данную партию. При пересчете были установлены также бюллетени, поданные за политические партии “Патриоты России” и ЛДПР. Однако в возбуждении уголовного дела по данному факту было отказано в связи с отсутствием доказательств прямого умысла, направленного на искажение результатов²⁶.

Приговором Тимашевского районного суда признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 142 УК РФ, член участковой избирательной комиссии № 50-57 по выборам депутатов Совета муниципального образования Тимашевский район, которая сфальсифицировала заявления 108 избирателей о предоставлении возможности проголосовать вне помещения для голосования, внесла отметки за кандидатов в такое же количество избирательных бюллетеней, после чего опустила их в переносной ящик для голосования, создав видимость голосования избирателей вне помещения для голосования²⁷. При вынесении приговора суд не оценивал тяжесть наступивших последствий, не устанавливал, какое число голосов отдано за избранного по соответствующему избирательному округу депутата и повлияла ли фальсификация указанного числа голосов избирателей на результаты выборов.

Очевидно, что одинаковые в абсолютном выражении “вбросы” сотни бюллетеней имеют различные правовые последствия на выборах разного уровня. Если на федеральных выборах они не влияют на итоги голосования, то на выборах муниципального уровня указанного числа голосов бывает достаточно, чтобы определить, кто станет обладателем депутатского мандата.

Формулирование абсолютного большинства преступлений против избирательных прав по типу формальных обя-

зывает правоприменителя вне зависимости от того, наступили общественно опасные последствия или нет, оценить преступность совершенного деяния, посягающего на избирательные права.

Не усматривая состава преступления там, где фальсификации не влияют на результаты выборов, и не оценивая степень влияния совершенных фальсификаций там, где их влияние очевидно, правоприменитель искажает содержание уголовно-правового запрета, нивелируя тем самым не только “репрессивную, но и символическую функцию уголовного права”²⁸.

Как отметил Конституционный Суд РФ, правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу. В рамках уголовного судопроизводства это предполагает по меньшей мере установление обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины (или невиновности) лица в совершении инкриминируемого ему деяния²⁹.

Как указывал А.Э. Жалинский, “уголовно-правовой запрет и уголовное право в целом осуждают деяние максимально возможным для права образом, влияя тем самым или стремясь влиять на состояние социальных институтов. ...любой неправосудный приговор, неверная квалификация деяния не ликвидируют символического воздействия уголовного права, но либо искажают, либо снижают его позитивную направленность. Поэтому за неверные правоприменительные решения сейчас платит общество, а должен отвечать в той или иной форме виновник”³⁰.

По мнению Т.В. Кленовой, “для уголовной политики практика квалификации преступлений имеет непосредственное значение, поскольку в практике квалификации преступлений выражается политика порицания. Политика порицания – это деятельность государства, направленная на разрешение социальных конфликтов, возникающих в связи с посягательствами на важные социальные ценности и общественные отношения, путем квалификации этих посягательств как преступлений”³¹.

Представляется, что если правоприменителем не дается объективная правовая оценка деяния и не выявляется конкретный вред, причиненный обществу и отдельным лицам в результате совершения преступления против избирательных

²⁵ См.: <http://www.votas.ru/adyg.html>

²⁶ См.: Vedomosti.ru (30.11.2011).

²⁷ См.: Приговор от 17 ноября 2010 г. Тимашевского районного суда Краснодарского края // Архив Тимашевского районного суда Краснодарского края.

²⁸ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 146.

²⁹ См.: определение Конституционного Суда РФ “По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 24, частью четвертой статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 5 ноября 2004 г. // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (Ч. 3). Ст. 5588.

³⁰ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 34.

³¹ Кленова Т.В. Уголовная политика: от идеи к результату // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конференции (26–27 января 2012 г.). М., 2012. С. 381.

прав, то не выполняются и задачи охраны указанных прав, провозглашенные законодателем.

Очевидно, что в основе совершения преступлений против избирательных прав лежит несоблюдение конституционного принципа равенства участников избирательного процесса. Именно нарушение принципа равенства приводит к воспрепятствованию в осуществлении избирательных прав граждан, к незаконному отказу в регистрации кандидатам, фальсификации избирательных документов, к искажению результатов выборов.

Чем опасны фальсификации на выборах и другие преступления против избирательных прав? В результате противоправных деяний происходит нарушение избирательных прав. Тем не менее нельзя согласиться с тем, что преступления данной категории направлены против основ политического строя. При совершении преступлений против избирательных прав преступник не ставит целью изменить существующую политическую систему, отменить формирование органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе принципа представительства. Преступления против избирательных прав совершаются в связи с проведением выборов и в рамках избирательного процесса, но при этом сам институт выборов и принцип выборности остаются неизблемыми и как основа демократического государства не подвергаются угрозе.

Преступление совершается против субъективных избирательных прав конкретного гражданина, но при этом ставится под сомнение такое определяющее качество выборов, как достоверность их результатов, отражающих коллективную волю всех принявших участие в голосовании избирателей. Нарушается основной принцип выборов – принцип равенства участников избирательного процесса, под сомнение ставится равенство “веса” голоса каждого.

В чем могут состоять интересы государства и общества в сфере оптимизации возможностей уголовно-правовой охраны избирательных прав и в каких направлениях должна развиваться уголовная политика государства, чтобы подтвердить неизбежность взятых на себя государством обязательств по защите и охране избирательных прав? Как представляется, решение указанных задач состоит в более полном обеспечении соблюдения принципа равенства кандидатов, избирательных объединений, других участников избирательного процесса.

При этом уголовно-правовые средства борьбы за соблюдение принципа равенства должны ассоциироваться не с суровостью наказания, а с его неотвратимостью. Публичность института выборов должна быть связана и с публичным осуждением посягательств на процесс реализации избирательных прав.

Изменение санкций статей о преступлениях против избирательных прав, значительно увеличившее размеры штрафов и наказания в виде заработной платы или иного дохода

осужденного³², исходя из среднестатистических данных о членах участковых избирательных комиссий, являющихся в основном работниками бюджетной сферы, представляется мерой не вполне социально обоснованной.

Анализируя процесс развития права, Г.Дж. Берман с горечью отмечал, что “уже не одно поколение наблюдает, и не только в России, но и на Западе в целом, существенный разрыв с индивидуализмом традиционного права, подразумевающего упор на... жесткое моральное отношение к преступности, на прочие базовые постулаты. И напротив, они наблюдают поворот... к утилитарному, а не моральному отношению к преступности, к иным базовым постулатам”³³.

Жесткое моральное отношение к преступлениям против избирательных прав должно быть связано с широким информационным обеспечением. При назначении наказания за совершение деяний против избирательных прав акцент должен быть сделан не на его ужесточении, а на придании гласности событию преступления, на доведении сведений о совершенном деянии до широких слоев общественности. О выявленных фактах должно как можно шире сообщаться в средствах массовой информации, что, на наш взгляд, будет способствовать общей превенции указанных преступлений. Кроме этого, логичным представляется введение запрета на замещение должностей в избирательных комиссиях для лиц, когда-либо совершивших преступление против избирательных прав.

Следует согласиться с мнением А.И. Рарога о том, что сегодня в России нет оснований для принципиального изменения приоритетов уголовно-правовой охраны либо признания неспособности государства обеспечить уголовно-правовую защиту приоритетных ценностей существующим набором средств уголовно-правового воздействия³⁴.

Институт уголовно-правовой охраны избирательных прав в нашей стране прошел длительный, сложный путь становления и развития. Процесс совершенствования норм УК РФ, посвященных преступлениям против избирательных прав, продолжается и сегодня. Окончательно изжить преступные посягательства в сфере избирательных правоотношений возможно лишь при осознании всеми членами общества, в том числе в процессе применения норм уголовного закона об охране избирательных прав, непреходящей ценности равенства прав каждого гражданина России на свободный и осознанный выбор.

³² Федеральным законом “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 10 июля 2012 г. минимальный размер штрафа, предусмотренного санкцией ст. 142.1 УК РФ, увеличен со ста до двухсот тысяч рублей, максимальный размер штрафа – с трехсот до пятидесяти тысяч рублей // Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 3986.

³³ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 51.

³⁴ См.: Рарог А.И. Нужен ли России новый Уголовный кодекс? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конференции (26–27 января 2012 г.). С. 9.